

Л. А. Ёльницкий

КИММЕРИЙЦЫ И КИММЕРИЙСКАЯ КУЛЬТУРА*

Киммерийцы — древнейшее исторически засвидетельствованное для Северного Причерноморья племенное наименование. Имя их было весьма популярно в древности и дошло до нас в многочисленных и разнообразных упоминаниях. Оно к тому же получило значительное отражение в древней топонимике Причерноморья: Геродот, периплы и Страбон называют ряд пунктов, — все в области Боспора, — связанных с именем киммерийцев. Геродот на этом основании доказывает их историчность на Боспоре. «Были же — говорит он (IV, 2) — Киммерийские переправы (Πορθμῆια Κιμμέρια), Киммерийский вал (Κιμμέρια τεῖχεα) и область Киммерия (χωρὴ οὐνομα Κιμμερίη). Киммерик (XI, 2, § 4) и Киммериду (VII, 3, § 6) на обоих берегах Боспора называет Страбон, и его данные подтверждаются соответствующими упоминаниями Птолемея (III, 6, § 5; V, 8, § 5). Совершенно естественны поэтому попытки современной исторической науки найти для киммерийцев место в истории материальной культуры нашего юга. Если рассказ Геродота о скифах и их ближайших соседях прекрасно подтверждается и иллюстрируется данными археологии, то о киммерийцах, в этом смысле, не существует пока что ничего определенного.

Значительное племя, занимавшее территорию, позднее принадлежавшую скифам (так по крайней мере говорит Геродот, I, 103; IV, 11 и 13), не оставило по себе сколько-нибудь определенных материальных следов, и все стремления приурочить к киммерийцам те или иные археологические памятники не привели пока к убедительным результатам. Наиболее плодотворна в этом отношении была попытка В. А. Городцова отнести к киммерийцам тот незначительный материал эпохи, переходной от бронзы к железу, какой дают клады и случайные находки в области Северного Причерноморья, — бронзовые кельты, наконечники копий раннегалльштатского типа, бронзовые серпы и т. д. Все это Городцов сопоставил и объединил под названием «киммерийской культуры»¹. Но материал этот был немногочислен, а позднейшие находки хотя и несколько умножили его², но не привели к обнаружению значительных памятников, бытовых

* В порядке обсуждения.

¹ См. «Труды секции археологии РАНИОН», вып. 2, стр. 46.

² За счет Краснояцкого (в Одесском музее) и Волошского (в Киевском музее) кладов и некоторых других находок. О более новых попытках определения «киммерийской» или «фрако-киммерийской» культуры на основании этого материала см. у А. Иессена, Греческая колонизация Северного Причерноморья, Л., 1947, стр. 24 сл.

или погребальных, с которыми могли бы быть связаны опубликованные Городцовым предметы, что позволило бы действительно говорить об определенной — типологически, хронологически и географически выраженной — культуре.

Другой слабой стороной этой попытки В. А. Городцова определить археологически киммерийскую культуру представляется то, что выделенный им материал является типологически и хронологически доскифским и не допускает его противопоставления скифской культуре. Между тем и Геродот и в особенности, как это будет показано дальше, восточные источники предполагают совместное существование обеих культур в VII в. до н. э. и их мирные или враждебные взаимоотношения.

Сосредоточение этого материала в Крыму и в западной части Северного Причерноморья, с явным тяготением его к нижнему Приднепровью, создает к тому же затруднения географического порядка, ибо подобная локализация киммерийской культуры приходит в противоречие с тем, что известно о киммерийской географии, в особенности из восточных источников, локализирующих это племя в восточной части Причерноморья и именно в области Кавказа.

Попытки связать с киммерийцами спорадические находки доскифских и догреческих памятников на территории Боспорского царства также не дали пока сколько-нибудь убедительного представления о характере культуры киммерийцев. Из числа таких памятников должны быть названы весьма архаические и относящиеся еще, может быть, к эпохе поздней бронзы надгробные стелы, найденные в раскопках 1934—1936 гг. близ Керчи¹, и «циклопические» оборонительные сооружения «Золотого кургана», входившего, как это показал в свое время К. Э. Гриневич, в систему внутренней линии обороны Боспора².

Как бы ни были сами по себе любопытны и вероятны перечисленные выше попытки связать имя киммерийцев с определенной археологической средой, они не дают сколько-нибудь цельного представления о материальной культуре киммерийцев — племени, исторические судьбы которого в конце VIII и на протяжении VII ст. до н. э. могут быть довольно подробно прослежены на основании ассирийских источников и сообщений Геродота, дополненных некоторыми отрывочными замечаниями более поздних авторов, в особенности же Страбона. Киммерийская проблема, таким образом, продолжает оставаться, несмотря на повторяющиеся от времени до времени попытки подойти к ней со стороны археологии, чисто исторической проблемой, изучение которой основывается исключительно на литературно-документальных данных. Неудачи, постигавшие до сих пор археологию в области материальной культуры киммерийцев, объясняются, может быть, отчасти тем, что историко-географические данные, извлекаемые из литературных источников, сообщающих о киммерийцах, недостаточно критически освоены.

Сведения древних источников о киммерийцах далеко не однородны. Наряду со строго документальными данными ассирийских источников, о них сообщают окрашенные в легендарные тона исторические повествования и окрашенные в ритуально-мифологические тона художественные интерпретации греков. Строгое разграничение этих трех разнообразных категорий источников и их критическое сопоставление, с определением возможного влияния их друг на друга, произведено еще, собственно говоря, не было. Между тем подобный анализ был бы не бесполезен, с точки

¹ «Материалы и исследования по археологии СССР», вып. V, стр. 39, рис. 50—51.

² «Бюллетень Керченской археологической конференции» 1926 г., № 4, «Оборонительные сооружения Боспора».

зрения конкретизации прежде всего киммерийской географии: это поставило бы, может быть, на более реальную почву и попытки археологического опосредствования имени киммерийцев в поисках данных об их материальной культуре. Попытаемся же вкратце рассмотреть свидетельства древности о киммерийцах.

Наиболее ранние и в то же время документально достоверные сведения об этом народе содержат ассирийские источники. Относящиеся к концу VIII ст. до н. э. тексты эпохи Саргона (722—705 г. до н. э.) впервые упоминают имя киммерийцев «гимирраи» в связи с их нападением на урарту, а позднее, в союзе с последними, — на северные рубежи Ассирии.

При преемниках Саргона — Ассархадоне и Ашшурбанипале — ассирийские свидетельства о киммерийцах становятся все более частыми и подробными. Мы узнаем об их противоречиях со скифами, которых ассирийцы, в отличие от киммерийцев, называют «ишкуза», о союзе последних с медами, в результате которого была уничтожена Ассирийская империя и разрушена Нишевия (в 612 г. до н. э.), и о проникновении киммерийцев в Малую Азию, впервые в 70-х гг. VII ст. до н. э.

Топонимически киммерийцы связываются в ассирийских текстах с областью Манна (маннеев) и пунктом Меинда (или Манда) в районе к юго-востоку от оз. Урмия (ВДИ, 1947, № 1, стр. 268, 271). Затем мы встречаемся с ними в связи с упоминанием об области Шуприя в верховьях р. Тигра, к юго-западу от оз. Ван (ВДИ, 1947, № 1, стр. 270). Они упоминаются применительно к этим областям в связи с угрозами Ассирийской державе со стороны маннеев и мидян, в союзе с которыми выступают всякий раз киммерийцы. Следует заметить, что имя киммерийцев в ассирийских текстах отождествляется с наименованием «уман манда» «воины севера» (ВДИ, 1947, № 1, стр. 270), имя, которое, в свою очередь, не может быть оторвано, с одной стороны, от только что названных северо-восточных областей и пунктов Манна, Манда, Мада, а с другой стороны — от имени скифского (или киммерийского) царя Мадия, в царствование и под предводительством которого, по Геродоту (I, 103), произошло вторжение скифов в Мидию. Затем мы находим упоминание о киммерийцах в связи с областью Хубушна, отождествляемой с именем позднейшего Кибисса, у восточных границ Киликии и Каппадокии (ВДИ, 1947, № 1, стр. 270). Наконец, летописи Ашшурбанипала (цилиндр Рассама: ВДИ, 1947, № 1, стр. 275) упоминают о киммерийцах в связи с именем Гуга, царя Лидии (Гигеса Геродота, I, 8, сл., сообщающего о нападении киммерийцев на Лидию и о разграблении ими Сард в царствование Ардиса, сына Гигеса).

Один из древнейших ассирийских текстов, упоминающих о киммерийцах, — донесение Ашурисуа царю Саргону (ВДИ, 1947, № 1, стр. 266) — локализует страну Гамирр, т. е. область киммерийцев, по связи со страной Гурианой, находящейся, по словам названного документа, «между Урарту и Гамирр». Гуриана отождествляется приблизительно с областью верхнего Евфрата и позднейшей Малой Арменией¹. Страна Гамирр, таким образом, может быть локализована к западу и к северу от верховьев Евфрата, т. е. в северо-восточной Каппадокии и на западном Кавказе, что, быть может, до какой-то степени соответствует библейскому этническому и географическому термину «Гомер» (см. ниже).

На основании всех этих данных может быть прослежена история проникновения киммерийцев через страны Закавказья в Переднюю и Малую Азию и влияние их передвижений на судьбы населявших эти страны

¹ Ср. Б. Б. Piotrovskiy, История и культура Урарту, 1944, стр. 295.

народов¹. Ассирийские данные представляют киммерийцев многочисленным и воинственным народом, натиска которых более культурные народы Двуречья и малоазиатских прибрежных стран не могли выдержать. Киммерийцы имели в этих походах во главе своих войск прославленных вождей, имена которых сохранили тексты эпохи Ассархадона и Ашшурбанипала.

Весьма любопытно при этом, что киммерийские имена ассирийских источников отождествляются с киммерийскими же или скифскими именами греческих авторов. Так, имя скифского вождя Бартатуа (или Мамтатуа; ВДИ, 1947, № 1, стр. 270) сопоставляется с именем скифского царя Протофия (отца царя Мадия), засвидетельствованного Геродотом (I, 103)². Киммерийское имя Дугдамме звучит, несомненно, в известном у Каллимаха (ad. Artem., 252) и у Страбона (I, 3, 21) имени киммерийского вождя, разграбившего около 652 г. до н. э. Сарды и совершавшего победоносные походы по Малой Азии, — Лигдамиса, погибшего в одном из своих предприятий в Киликии в 30-х гг. VII ст. до н. э.³

Выше было замечено, что ассирийские источники отчетливо разделяют киммерийцев и скифов. Однако в них же можно найти примеры того, как обозначение уман-манда, засвидетельствованное для киммерийцев (см. выше), прилагается (в хронике Набушассара) к скифам, участвовавшим вместе с мидянами в разгроме Ниневии в 612 г. до н. э. С другой стороны, анналы Ашшурбанипала (цилиндр Рассама) называют северных варваров, выступивших против египетского царя Псамметиха (Пишамилки), киммерийцами, тогда как из Геродота мы знаем, что это были скифы под предводительством царя Мадия, сына Протофия (Н е г., I, 104 сл.). Все это, вместе с упомянутым выше отождествлением киммерийского имени Теушпа с персидским Теиспом, показывает, что ассирийцы в сущности плохо различали мидян, маннеев, киммерийцев и скифов, придавая им всем сходные наименования, а отчасти, вероятно, и путая их между собой (Ср. у В. В. Струве, ВДИ, 1939, № 1, стр. 140), как впоследствии греки и римляне весьма нечетко разделяли парфян и закаспийских скифов.

Надо добавить к этому, что и в некоторых древнеперсидских надписях наблюдается такое же смешение имен скифов и киммерийцев. Так, Бехистунская надпись называет скифов (в вавилонской версии) gimiri, т. е. киммерийцами; это же имя звучит, может быть, и в идентифицируемых Геродотом с саками амирских скифах (ἀμιρῶν Σκύθαι, VII, 64). «Скифским народом» называет киммерийцев и А р р и а н (E u s t a t h., ad Hom. Odys., XIII, 14).

Этим самым устанавливается определенная зависимость между ассирийскими источниками, с одной стороны, и ионийскими историко-географическими свидетельствами, легшими в основу Геродотовых сообщений о киммерийцах, равно как и более поздних, от Геродота независимых, греческих свидетельств (дошедших преимущественно через Страбона).

Чтобы покончить с восточной исторической традицией о киммерийцах, необходимо упомянуть и о том, что они под именем «гомер» известны

¹ См. В. Ф. Смолин, О передвижении геродотовых скифов в Передней Азии, Казань, 1915.

² Страбон (I, 3, § 21), однако, этого Мадия называет царем киммерийцев. Относительно достоверности этой идентификации см. ВДИ, 1947, № 1, стр. 271.

³ Тексты называют также имена сына Лигдамиса — Шандакшатра, киммерийского вождя Теушпа и скифское имя Ишпакай, для которых в греческих источниках не существует близких аналогий. Нам кажется вероятным, что имена Шандакшатра и Ишпакай должны быть близки прототипам скифских имен, звучавших в греческой передаче как Спаргапиф, Анахарсис, Липоскай и т. п. Теушпа же сопоставляется обычно с именем Теиспа, отца Кира Старшего.

в Библии (Быт., X, 2, 3), помещающей их на севере вместе с мади (мидийцы) и ашкенази (скифы). Так как библейская география ничего не знает о Северном Причерноморье, следует предположить, что о киммерийцах в Сирии стало известно лишь в VII ст. до н. э., в эпоху их пребывания в Малой Азии и в связи с походами к киликийскому побережью Средиземного моря, а также и далее к югу, вместе со скифами, весьма хорошо известными библейским пророкам под именами «магог» и «ашкеназ».

Греческие историко-географические описания, связывающиеся с ассирийскими источниками посредством названных выше киммерийско-скифских имен и известных греческим историкам фактов проникновения киммерийцев через Кавказ в Малую Азию, представляют собой вторую категорию сведений о киммерийцах.

Греческие данные, наиболее полно представленные у Геродота, отличаются от ассирийских прежде всего их большей неопределенностью. Мало того, что они достаточно неопределенны в географическом отношении (территория, которую Геродот обозначает в доскифский период как киммерийскую, простирается от Днестра до Кавказа, т. е. обнимает всю территорию позднейшей Скифии), неопределенность эта распространяется и на киммерийскую этнографию. Геродот не различает строго киммерийцев и скифов. Говоря о походах тех и других в переднеазиатские страны и указывая для скифов особый путь с восточной стороны Кавказа в Иран¹, он тем не менее неоднократно смешивает скифов и киммерийцев в одно. Самое же интересное и показательное в этом отношении обстоятельство заключается в том, что имя Протофия, засвидетельствованное в Ассирии как скифское, Страбоном (основывающимся на ионийских источниках) преподносится как киммерийское (Strabo, I, 3, § 24).

В особенности много недоумений вызывает рассказ Геродота о поведении киммерийских вождей, оставших от своего ушедшего в Азию народа и перебивших друг друга, могилы которых были ему известны где-то в области нижнего течения р. Тиры (Днестра). Этот рассказ, основанный, несомненно, на какой-либо местной легенде, связанной с определенным курганным некрополем, нуждается для того, чтобы получить силу документального свидетельства, в реально-исторической интерпретации, без которой он непонятен, как непонятны и некоторые другие сообщения Геродота, — например, о борьбе возвратившихся из Азии скифов со своими рабами, о египетском происхождении колхов и т. п.

Во всех этих случаях мы имеем дело с какими-то культовыми или этнологическими легендами, пересказанными Геродотом без необходимой критики. Все подобные рассказы поэтому нуждаются прежде всего в истолковании и объяснении. Таким объяснением могло бы служить, например, предположение, что имя киммерийцев может быть связано с легендой о некрополе на берегу Днестра лишь на основании фонетического сходства их имени с именем того племени или того места, с которым соединяется в источнике Геродота эта легенда, тем более, что мы уже имеем засвиде-

¹ В рассказе Геродота о разных путях проникновения киммерийцев и скифов в Переднюю Азию, первых — через Колхиду и Армению, т. е. «Каспийской дорогой» позднейших греческих и латинских авторов (см. Я. А. М а н а н д я н, О местонахождении Caspiae portae и Caspia via, ИЗ, XXV (1948), стр. 59 сл.), а вторых — в обход Кавказа по берегу Каспийского моря, может быть, следует видеть намек на то, что под наводнившими Мидию скифами следует понимать прикаспийские племена, тогда как под киммерийцами разумеются племена северного и западного Кавказа. Это не противоречило бы той части ассирийских географических данных о киммерийцах, которая связывает их с Каппадокией и Закавказьем. С другой стороны, упоминания о совместных выступлениях киммерийцев, маннеев и мидян показывают, что ассирийцы распространяли, видимо, имя киммерийцев также и на прикаспийские племена.

тельствованный пример того, как возникли у Геродота племенные наименования *ἀροτῆρες* и *γεωργοί* («пахари» и «земледельцы») применительно к скифам¹.

Следует обратить внимание и на то, что для Геродота немаловажным доказательством присутствия киммерийцев в причерноморских степях в доскифскую пору являются приводившиеся нами выше данные боспорской топонимики. Это значит, прежде всего, что имевшиеся в его распоряжении историко-географические сведения не давали ему твердой опоры для приурочения киммерийцев к той территории, с которой он стремится связать это имя².

Другой, независимый от Геродота, ионийский источник сведений о киммерийских завоеваниях в Малой Азии, использованный Каллимахом в его гимне Артемиде (III, 250 сл.), наиболее подробно отражен в повествовании Страбона о грабительских набегах киммерийцев и треров на западно-малоазиатские культурные центры.

Племя треров, известное из Страбона и из других источников, как одно из фракийских племен, проникшее вслед за другими фракийцами — фригиями, вифинами, мариандинами — из области, расположенной к югу от нижнего Дуная, в Малую Азию, будучи связано Страбоном с киммерийцами, у новейших исследователей также было признано историко-географическим ориентиром для определения изначальной территории киммерийцев. При этом приходится констатировать, что, подобно отмеченной нами выше некоторой неопределенности в разграничении киммерийцев и скифов, так же точно и в этом случае киммерийцы с трудом отделимы от треров³. В некоторых местах речь о них идет раздельно, а в других треры и киммерийцы представляются не только родственными, но и идентичными племенами. Наиболее же интересной в данной связи представляется нам квалификация треров в качестве «киммерийского народа» (*κιμμερικὸν ἔθνος*, Strabo, XIV, 1, § 40), показывающая, что имя киммерийцев прилагалось как эпитет к другим племенным наименованиям.

Из того, что известно о киммерийцах по ассирийским данным, путь их к западным берегам Малой Азии представляется достаточно ясным. Они пришли к Сардам с Кавказа через Каппадокию, Вифинию и Фригию, после того как сломили сопротивление Ассирийской и Фригийской державы. Трудно представить себе, чтобы одни и те же киммерийцы при этом двигались в Малую Азию в одно и то же время с двух сторон — с востока и

¹ См. П. Ушаков, О походах урартийцев в Закавказье, ВДИ, 1946, № 2, стр. 36 сл.

² Что же касается «киммерийской» топонимики, то она, будучи греческого, а не местного, происхождения, базируется на легендарных, а не на реальных историко-географических представлениях. Как известно, киммерийцев на основании топонимических данных Эфор (у Страбона, V, 4, § 5) помещает в Италию, близ Авернского озера, где находился известный также Плинию (NH, III, 61) пункт Киммерий и где легенда, связанная с культом куманской Сивиллы, помещала вход в Гадес. Вопрос о «киммерийской» топонимике будет нами затронут несколько подробнее ниже, при рассмотрении легендарно-поэтической традиции о киммерийцах.

³ Киммерийцев с трерами отождествляет, вслед за Страбоном (XIV, 1, 40), Евстафий (в Schol. ad Hom. Odys., XI, 14), свидетельствующий, что именуемые трерами киммерийцы обогли большую часть Азии, разграбили Сарды и вторглись в Вифинию и Фригию. Эти сообщения он подкрепляет ссылкой на Арриана, сообщавшего, в утраченном сочинении *Βιβλιοθήκη*, о киммерийцах также в районе Гераклеи Понтийской, в земле мариандинов (Eustath., ad Dion. Perieg., 322). Из этого явствует, что греческое предание отождествляло с трерами-киммерийцами фракийские племена вифинов, фригийцев, мариандинов и др., наводивших в VIII—VII ст. Малую Азию, археологическим свидетельством чего является, в частности, слой VII б древнейшей Трои (ср. ВДИ, 1946, № 3, стр. 219).

запада: с одной стороны, преследуемые или соизучаемые скифами, а с другой — трерами. И те и другие киммерийцы имели к тому же одного и того же вождя, имя которого звучит одинаково: Лигдамис (Дугдамме). Все это заставляет думать, что встреча киммерийцев с трерами имела место уже в Малой Азии, проникли же они туда каждое племя своим путем: треры — с запада, киммерийцы — с востока. Характерно также, что и попятное движение киммерийцев, после поражений, понесенных ими в Киликии, и гибели Лигдамиса, совершалось в северо-восточном направлении, т. е. обратно туда, откуда они фактически пришли. При этом о киммерийцах еще долго было известно в Каппадокии, в районе Синопы, где сохранились их наиболее поздние остатки (см. Н е г., IV, 12). Киммерийские передвижения с Кавказа в Малую Азию представляют собой поэтому пример не миграции, а скорее лишь военного похода, направление и продолжительность которого указаны были выше.

Мы еще вернемся к отмеченным только что фактам. Теперь же необходимо разобрать третью категорию данных о киммерийцах, а именно, данные мифологии и мифической космографии, питавшие художественную литературу, не оставившие без влияния, как будет показано далее, и литературу историческую и географическую.

Мифическая космография ионийских греков, обладавшая большим запасом легенд, связанных с дальними и неизвестными странами, лежащими у берега океана, насыщала этим легендарно-географическим и этнографическим материалом сказания об аргонавтах, «возвращения» (носты) героев Троянской войны из-под Трои и другие эпические сказания и поэмы. Смыслих, — не только отвлеченно-приключенческий, но и реально-культурный, — заключался в связи подобных легенд о путешествиях на край света с культом загробных (хтонических) божеств. К числу мифических народов (среди которых должны быть названы феаки, гипербореи, аримаспы и другие народы и отдельные мифологические персонажи, вроде царя колхов Ээта, сестры его волшебницы Кирки и др.), помещаемых на пороге того света, относятся также и киммерийцы.

Имя их, засвидетельствованное исторически, но перетолкованное тотчас же мифологически¹, связывалось с представлением о крайнем севере, о стране ночи, где находится вход в подземное царство, и с именем сторожа этого входа, трехголового пса Кербера. В VII—VI вв. до н. э., благодаря популярности ионийских эпических сказаний, распространявшихся милетянами и фокейцами широко по восточному и западному Средиземноморью, имя киммерийцев прочно связалось с представлением о границе известного мира живых и о начале царства мертвых. Киммерийцев искали там, где видели северный предел путям греческих кораблей: в Италии, в Испании, в такой же степени на «краю света» у самого входа в Гадес, как и на северо-востоке, у берегов Киммерийского Боспора или на севере Европы, в области кимвров.

Круг мифических упоминаний о киммерийцах как о народе загробного царства открывается строками о них в XI песне «Одиссеи», посвященной приключениям Одиссея в преисподней (Некия) (Odys., XI, 14). В словах эпоса, дающих совершенно отвлеченную, лишennую каких бы то

¹ Схолии к Гомеру (см. E u s t a t h., ad Odys., XI, 14), а также Etymol. Magn. (s. v. Κιμνίριοι), приводят параллельные формы Κερβέριοι, т. е. керберийцы, потомки Кербера, а также Χειμέριοι, т. е. зимние люди, живущие на крайнем севере. Эти перетолкования могут быть приняты как образцы этимологизирования имени киммерийцев; с другой стороны, они, может быть, указывают тот путь, каким шло образование греческого имени киммерийцев и связанных с ним мифологических представлений — из столкновения мифических Κερβέριοι и Χειμέριοι с историческим gīmīgai или другими подобными наименованиями.

ни было локальных признаков характеристику киммерийцев, объединенных, подобно грекам, в полис, географическая локализация их определяется упоминанием о лестригонах, живущих в стране коротких летних ночей (Odys., X, 77 сл.), т. е. на севере, и другими подобными признаками конца обитаемого мира. Упоминание об «абиях» и «галактофагах» (т. е. о скифах) в «Илиаде» (XIII, 5 сл.) снабжено, несмотря на сильную морализующую тенденцию, несравненно более реальными чертами.

Именно эти порожденные мифической космографией представления, основанные на туманных сообщениях ионийских источников (зависящих, как мы убедились, в свою очередь, от источников ассирийских) о киммерийцах как о народе дальнего севера, породили последующие недоразумения, заметные в исторической и географической литературе, пытающейся объединить историческую и мифико-космографическую версии. Мифическая локализация киммерийцев производилась по принципу близости их к берегу океана, являющегося в представлениях греков началом потустороннего мира. С океаном же были связаны, по их мнению, своими истоками все большие европейские и азиатские реки — Фасис, Танаис и Истр. Первые две, кроме того, пока не была установлена точно их локализация, смешивались в мифических представлениях воедино, о чем свидетельствуют, с одной стороны, колебания, заметные у древних авторов в определении границы между Азией и Европой (по Фасису и по Танаису), а с другой — следы мифа об аргонавтах, удержавшиеся в боспорской топонимике, указывающие на то, что в ранние времена милетской колонизации Боспора Фасисом именовался мало известный еще Танаис.

Если о присутствии мифических киммерийцев в области устья р. Истра можно догадываться лишь по смещению их с фракийцами и, в частности, с трерами, наблюдающемуся у Страбона (локализующего «киммерийцев»), кроме того, в Италии близ Кум (V, 4, 3) и отождествляющего их с кимврами — кельтским племенем, появившимся в поле зрения средиземноморских народов лишь в конце II в. до н. э.), то на Боспоре Киммерийском локализация их весьма прочно закреплена как в имени ведущего в Меотиду — т. е. к устью Танаиса и к концу обитаемого мира — пролива, так и в других крымских и таманских топонимических данных.

Географические названия, содержащие в себе имя киммерийцев, принадлежат, как мы уже говорили, грекам и возникли в результате работы их мифико-географической мысли. Киммерийский Боспор, Киммериду, Киммеряк, равно как и названные Геродотом Киммерийский вал и Киммерийские переправы наименовали греки — те же самые и из тех же соображений, что и поместившие на берегу Керченского полуострова Китей — мифическую родину волшебницы Медеи (P s. -S с у I., § 68).

Разумеется, прежде всего возникает вопрос — в какой степени эти мифологические представления греков, колониализовавших Северное Причерноморье, навеяны реальными представлениями об исторических киммерийцах, будто бы живших некогда на его берегах?

Колонизовавшие в VI ст. до н. э. берега Боспора ионийские греки не могли иметь никаких непосредственных впечатлений, связанных с киммерийцами, ибо и восточные и греческие источники согласно повествуют о киммерийцах в VII в. до н. э. лишь применительно к Закавказью и Малой Азии. Ни в степи, ни на побережье в эпоху Геродота их уже не существовало. Не было их и в других доступных греческому знанию местах, ибо мы видим, как у греческих географов и историков имя киммерийцев связывается с гораздо более реальными представлениями о скифах и трерах. Этот же факт может быть отмечен и для художественной литературы: К а л л и м а х, повествуя в вышеупомянутом гимне в честь Артемиды о киммерийцах, называет их *ιπτηροῦοι*, т. е. «дойтелями кобылиц», — гоме-

ровский эпитет, прилагавшийся к скифам и понимавшийся как этническое наименование. Чисто «скифской» является и изобразительная традиция (весьма бедная) греков о киммерийцах. «*Πρὸς κιμμέριος*, считающийся предком маррандинов и изображенный на известной вазе Франсуа, представлен как скифский лучник. Такими же скифами, на конях, в соответствующих костюмах и со скифским вооружением, представлены варварские воины на одном из клазоменских саркофагов — изображения, также, видимо, скорее всего навеянные воспоминанием о киммерийцах на ионийском берегу Малой Азии.

То, что киммерийцы отсутствовали на Боспоре в VII—VI ст. до н. э., подтверждается также скудостью памятников местной доскифской или нескифской культуры, которую можно было бы связать с их именем. Следовательно, географические наименования, примененные греками к некоторым пунктам Боспора, основаны не на том, что в этих местах ко времени прихода туда греков жили исторические киммерийцы, а на том, что эти места связывались в ионийских мифах с представлениями о загробном мире, у начала которого фантазия греков поселила сказочный народ киммерийцев, обитающий во мраке северных широт.

Разумеется, цепкости мифико-географических представлений, связывавших киммерийцев с берегами Боспора, не могло не содействовать и то, что историческая традиция, и восточная и греческая, суммарно и смутно локализовала исходную территорию — родину киммерийцев — где-то в северных пределах Кавказа.

Если все это так, то необходимо поставить и следующий, сам собой напрашивающийся, вопрос: не является ли вообще локализация киммерийцев греческими писателями в причерноморских степях, на территории, занятой скифскими и фракийскими племенами, результатом воздействия на них мифической географии новийского эпоса и представлений, связанных с культами хтонических божеств?

Геродот, как мы убедились, помещает киммерийцев на берегах Боспора в связи со своей мифическо-киммерийской топонимикой, а на Днестре — в связи с преданием о киммерийских вождах, связанных местной легендарной традицией с неким курганным некрополем на берегу названной реки. В повествовании о киммерийцах и их походах Геродот контаминирует сведения, относящиеся к истории этого племени, с преданиями, относящимися к скифам, благодаря чему и остается от его рассказа смутное впечатление, распространяющееся на весь древнейший киммерийско-скифский период истории причерноморских степей.

Что касается Страбона, то в его рассказе о северо-черноморских киммерийцах треры заменяют скифов. Киммерийцы в повествовании Страбона не отделены от них, и контаминация преданий о трерах с преданиями о киммерийцах вызывает ощущение смутности фракийско-киммерийских отношений, которое характерно и для Геродотового повествования об отношениях киммерийско-скифских. Весьма вероятно, что соединению преданий о трерах с преданиями о киммерийцах Страбона традиция обязана произошедшему в умах малоазийских греков естественному совмещению представлений о тех и других варварах, пришедших одинаково из северных стран, приблизительно в одно и то же время, с одними и теми же целями грабежа лидийских и греческих городов. Малоазийские греки, а за ними и ионийские историки, называли треров киммерийцами или, по крайней мере, считали их племенами родственными, ввиду их общего северного происхождения и одинакового поведения. О более серьезных основаниях для их идентификации сохранился историческая традиция не содержит сколько-нибудь убедительных данных.

Таким образом, в итоге нашего рассмотрения исторических и мифологических сведений о киммерийцах следует признать, что распространение их имени на территорию, занятую скифскими (и фракийскими) племенами, произошло вследствие воздействия на географию историческую мифико-географических представлений, содержащихся в эпосе и в различных культурных легендах. Не малую роль играла в этом отношении, как показывает рассказ Геродота, и боспорская топонимика, возникающая под воздействием тех же самых легенд и мифико-космографических рассказов. Исторические же данные, в первоисточнике восходящие к ассирийским официальным документам эпохи Саргона, Ассархадона и Ашшурбанипала, позволяют говорить о киммерийцах как об историческом народе лишь применительно к территории Кавказа в широком смысле слова и отчасти Малой Азии. Если мы рассмотрим древнейшие из сообщающих о киммерийцах ассирийские документы, то убедимся, что племена эти, судя по их положению и по отношению к урартийцам и медам, должны были занимать северные области Кавказа, а может быть, также и примыкавшие к нему непосредственно степные пространства¹. Только в этом смысле может идти речь о соприкосновении киммерийцев и скифов на одной общей обоим племенам территории. Давление со стороны скифов на киммерийцев также может мыслиться лишь в пределах Кавказа; скифы, как явствует из тех же ассирийских и библейских данных, шли в своих военных походах по путям киммерийцев, распространявшихся через Закавказье в Переднюю Азию и достигавших Сирийского побережья.

Если же мы согласимся с тем, что география исторических киммерийцев отличается от тех мифико-географических представлений, которые связаны с киммерийцами, как северным, потусторонним народом эпоса, от легенды и полупоэтичной традиции ионийской исторической школы, если мы признаем, что родину исторических киммерийцев следует искать в пределах Северного Кавказа, — тогда и археологическая задача выяснения остатков киммерийской материальной культуры предстанет перед нами в совершенно другом, чем это мыслилось до сих пор, свете.

Так же как для скифского мира археология располагает огромным материалом курганных некрополей и городищ от нижнего Дуная и до Волги, дающих представление о скифской культуре, начиная с VII ст. до н. э., — так же точно и кавказский археологический материал эпохи раннего железа, обладающий особенно отчетливыми чертами в памятниках кобанской культуры, призван служить вещественной документацией исторических свидетельств о гамирраи-киммерийцах.

Время расцвета этой культуры совпадает с эпохой экспансии киммерийцев к югу и юго-западу — в пределы Урарту, Ассирии и Малой Азии и относится к VIII—VII ст. до н. э.² Культура эпохи раннего железа на Северном Кавказе и в Закавказье во многом родственна культуре скифов: это родство сказывается в формах и орнаментике керамики, в особенности же в орнаментике металлических изделий, изготовленных в зверином стиле. Исследования, произведенные в последние десятилетия, принесли многочисленные новые подтверждения родства кавказской и скифской культур и отчетливо наблюдаемого их стыка в области северокавказских предгорий³.

¹ Ср. Б. Б. Петровский, История и культура Урарту, 1944, стр. 310 сл.

² См. Е. И. Крупнов, К вопросу о хронологии кобанской культуры, «Уч. зап. Кабардинского научно-исслед. ин-та», I (1946), Нальчик.

³ См. Б. Петровский и А. Иессен, Моздский могильник, 1940, стр. 27 сл.; Б. Б. Петровский, История и культура Урарту, стр. 307 сл.; Он же, Город бога Тейшебы, ВДИ, 1948, № 4.

Наиболее характерным предметом кавказской культуры этого времени является бронзовый топор кобанского типа, широко распространенный как на Северном Кавказе, так и в Закавказье вплоть до берегов Черного моря. Находки кобанских топоров были сделаны на Кубани, в области стыка скифской и кавказской культур, а также в северо-восточной Анатолии (древней Каппадокии), где они представлены известным кладом кавказских бронзовых вещей в Орду — в той области, где имя киммерийцев удерживалось дольше и позже, чем в других местах Малой Азии. Единичные находки топоров, близких кобанским, прослеживаются вплоть до северной Сирии. Трудно, конечно, сказать, в какой степени проникновение кобанских топоров к югу соответствует историческому пути киммерийских походов и передвижений, ибо отдельные находки кобанских топоров известны и в южнорусской степи вплоть до Днепра, где не легко было бы предположить присутствие кавказских этнических элементов и куда подобные предметы могли проникать скорее всего в результате обмена. Это тем более вероятно, что в Сирии, в соответствии с согласными свидетельствами древнееврейских, египетских и греческих источников, знали главным образом лишь скифов, а не киммерийцев, несмотря на то, что хронологически проникновение скифов в Сирию приблизительно совпадает (вторая половина VII ст. до н. э.) с киммерийскими передвижениями в Малой Азии вплоть до Киликии.

Не менее любопытно и показательно распространение в Передней Азии и в Анатолии, в особенности восточной, бронзовых топоров закавказского (так наз. «амазонского») типа, с широким полукруглым лезвием. Тип этот происходит с Кавказа и в Анатолии представлен поздними образцами (VIII—VII ст. до н. э.). Амазонским этот тип бронзового топора назван потому, что близкие по форме топоры изображались на греческих расписных вазах в качестве оружия амазонок. Амазонки же, как известно, изображались греками на скифский манер, — в анаксиридах и в высоком, баблыкообразном головном уборе. В качестве мест их обитания указывали если не Фемискиру на Термодонте, то Кавказ и Скифию. Наличие на греческих изображениях амазонок топоров закавказского типа свидетельствует о том, что мифические воительницы представляли себе в виде кавказских киммерийцев. На это же указывает и перенесение на амазонок исторических фактов, сообщаемых о скифах и киммерийцах (в частности, им приписывалось разрушение Эфесского храма, *Diod.*, II, 44 сл.; *Hierogl.*, 871 и 94). Легенды, передаваемые Геродотом, Гиппократом и Страбоном о савроматах, гаргареях и других скифско-кавказских племенах, убеждают в том, что в эпоху киммерийского проникновения в Малую Азию женщины северных кочевников, повидимому, в действительности отличались воинственностью и мужественными чертами¹.

Если не совсем понятно, почему имя киммерийцев не достигло Сирии (Библия в упомянутом выше месте называет их лишь в числе народов севера и лишь единственный раз, *Иез.*, XXXVIII, в числе непосредственно угрожающих завоевателей), то непонятно также, почему оно не звучит в более поздние времена на Кавказе. Приходится предположить,

¹ В дополнение к названным выше находкам могут быть указаны также стрелы раннескифских типов из различных пунктов Передней и Малой Азии, находимые, как свидетельствуют обстоятельства раскопок, у оборонительных стен азиатских городов, куда они попадали в результате обстрела со стороны нападавших на города кочевников (см. Б. Б. П и о т р о в с к и й, История и культура Урарту, 1944, стр. 301 сл.; ср. также Е. Ф. С c h m i d t, Anatolia through the Ages (Alischar-Uyuk), 1931, стр. 138, рис. 196 — скифские стрелы из раскопок слоя V, от 700 г. до н. э. См. также на рис. 198 железный топор, приближающийся по своей форме к бронзовым топорам кавказских типов).

что это — одно из наиболее ранних для нашей территории — этническое имя, возникшее в эпоху бурного этногенеза кавказских племен, оказалось недолговечным и быстро растворилось в других именах, подобно тому как растворилось и современное им имя фракийских треров, о которых также почти ничего более неизвестно после их движений по Малой Азии в VII в. до н. э. Во всяком случае в полном совпадении с этими фактами находится и состояние культуры эпохи раннего железа на Кавказе. Расцвет ее, связанный с широким распространением бронзовых орудий и украшений кобанского типа, наблюдается не далее VII—VI ст. до н. э.

Впрочем, некоторые более поздние сообщения греческой географии о киммерийцах, основанные, казалось бы, лишь все на той же древней понической традиции, локализируют их все же более точно и ограничительно, чем, например, Геродот. Так, Дионисий Периегет, во II в. н. э., текст которого основан на контаминации нескольких, в том числе и совершенно неизвестных, периплов, упоминает киммерийцев между синдами и керкетами, среди северокавказских народностей. Упоминание это содержится в азиатской части перипла (ст. 682), после того как автор уже упомянул о них в европейской части как о варварском народе, живущем на Киммерийском Боспоре у подошвы холодного Тавра (ὄψι ψυχρῆ ποδὶ Ταύρου, ст. 297). Дионисий воспользовался, следовательно, двумя разноречивыми версиями. Одна из них, основанная на мифологической космографии данных, совершенно тривиальна в своей локализации киммерийцев у Киммерийского Боспора. Другая же, основанная, повидимому, на каких-то локально-этнографических данных, оригинальна в своей точной локализации киммерийцев на Кавказе, между двумя племенами, место жительства которых хорошо известно из других источников (ср. P s.-S c y l., § 72, 73; S t r a b., XI, 2, § 11 сл.). Затем у этого же автора, несколькими строками ниже, появляется, там же на Кавказе, во внутренних его областях, значительное племя камаритов (Καμαριτῶν φύλον μέγα, ст. 708), в котором, может быть, следует признать отголосок того же этнического наименования, которое звучит в ассирийском «гимирраи». Часто приходится убеждаться, что греки, как и другие народы, подыскивали знакомые или сходные по звучанию имена для опосредствования варварских наименований. Таково, может быть, и происхождение Дионисиевых азиатских киммерийцев и камаритов.

Все это должно убеждать нас, как кажется, что имя исторических киммерийцев в каких-то формах продолжало звучать на Кавказе и во времена, последующие тем, когда о них упоминали ассирийские источники. Нет сомнения, однако, что для греков оно, так же как и многие другие, звучавшие в области черноморских степей и Кавказских гор пламенные наименования, было поглощено и растворилось в имени скифов. Если для ассирийцев гимирраи-киммерийцы более или менее отчетливо отличались от ишкруза — скифов, то для малоазиатских греков наводнившие в VII ст. до н. э. их землю и грабившие их города племена все являлись «киммерийским народом» в том смысле, что они пришли с севера, с границ потустороннего мира, и в легендарных представлениях отождествлялись с теми «керберийцами», которых, вместо киммерийцев, называли в своих произведениях С о ф о к л (Etym. M., s. v. Κιμμέριοι) и А р и с т о ф а н («Пягушки», 187 и схолии).

Отчетливое различие имен скифов и киммерийцев в ассирийских источниках позволяет думать, что это последнее имя носило какое-либо из кавказских племен, достаточно отличное от степных скифов в этническом и культурном отношении, хотя, с другой стороны, обращает на себя внимание тот факт, что имя киммерийцев не засвидетельствовано до сих пор урартскими надписями, где (в особенности в Язлуташской и Кологранской

надписях) перечислены многие западно- и северокавказские племена, с которыми воевали урарты, и о которых мы из ассирийских источников узнаем под общим именем киммерийцев. Многие из этих племенных имен — диаухи, кулха, хахаве, игани и др. должны быть отождествлены с известными из более поздних греческих источников таохами, колхами, ахеями, гениохами и т. п. кавказскими и скифскими племенами¹.

Но, говоря о киммерийской культуре, мы должны иметь в виду северо- и западнокавказскую культуру эпохи раннего железа в целом, связанную в предгорьях отчетливыми переходными ступенями с культурой причерноморских скифов. Эта смешанная археологическая среда наиболее близко соответствует тому культурно-этническому комплексу, который под именем киммерийцев наводнил в VII ст. переднеазиатские пространства. Это были, вероятно, и кавказские горцы, и северокавказские скифы, вероятно, также и прикаспийские скифские племена, которые вместе с распространившимися с северо-запада фракийцами были восприняты греками под ассимилирующим легендарным именем киммерийцев; родину их греки смутно угадывали где-то на севере, у Киммерийского Боспора, у пределов обитаемой земли, неподалеку от загробного царства.

¹ См. об этом подробно у обосновавшего все указанные сопоставления П. Ушакова, Походы урартийцев в Закавказье, ВДИ, 1946, № 2, стр. 31 сл.